

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Вал. А. Луков

Воспитание как ответ на вызовы глобализации

Мы сосредоточим свое внимание на той роли, которую играет и может играть в дальнейшем

воспитание в обществе, где процесс глобализации уже заметно проявился и все более стремительно влияет на все стороны социальной жизни — не только на экономику и политику, но и на культуру, духовную жизнь людей.

Нам должно быть ясно, что воспитание не всеильно, его границы устанавливает социализация как естественный процесс обретения человеком социальности, а сама эта социальность не устанавливается на все времена и не имеет единого эталона для всех стран и народов. Каждая из культур накапливает базовые ценности и нормы, которые обладают большой устойчивостью по отношению к внешним влияниям. Но изменение материальных условий жизни людей, реализация человеческого духа в новых идеях, научных открытиях, изобретениях, художественном творчестве, вещах, стилях жизни, социальных практиках, а кроме того обогащение культур через межкультурные коммуникации — все это преобразует жизнь до неузнаваемости. Меняются и ценностные системы и вслед за ними — системы воспитания. Французская историческая школа «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, позднее Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и др.) начиная с 1920-х го-

дов стала изучать проблему историчности ценностных систем, иными словами — их смены в обществе

на каждом из этапов его развития (Burke 1990). Сегодня этот подход широко признан и имеет массу подтверждений. Для нашей темы важно, что исследования прошлого в школе «Анналов» строятся путем не столько уточнения исторических фактов, сколько выявления «медленных изменений», того что связано с повседневностью и различного рода идентичностями людей. Между тем социализация и воспитание направлены на формирование идентичностей человека, лежащих в основе его самопонимания и ориентации в социальном пространстве.

В этом духе мы посмотрим на современное воспитание как на процесс, обусловленный исторически. И если консервативность культурных форм сегодня подрывает глобализация, то в воспитании нам предстоит увидеть ответ на вызовы, брошенные глобализацией обществу.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НОВОЕ УСЛОВИЕ ВОСПИТАНИЯ

Мы уже отмечали, что глобализация существенно изменяет подходы к воспитанию в наши дни (Луков 2005). Здесь попробуем суммировать различные феномены воздействия глобализации на воспитание как ново-

го условия этого процесса. И чтобы лучше в этом разобраться, надо поточнее определить, что же такое глобализация сама по себе, в чем состоят ее существенные черты.

В социально-экономическом аспекте под глобализацией принято понимать прежде всего слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на перемещении капитала, новой информационной открытости мира, научной и технологической революции (Уткин 2003: 181). Немаловажно, что в современном мире возникла потребность в более свободном, чем было раньше, движении товаров и капитала через государственные границы, а технические возможности позволяют это делать почти мгновенно.

Можно сказать, что движение к интеграции в мировом масштабе заметно на протяжении всей известной истории человечества. Империи Александра Македонского или Чингисхана охватывали гигантскую территорию и включали множество покоренных стран, где устанавливались более или менее общие правила экономического и культурного взаимодействия, но, разумеется, это не та глобализация, о которой мы сегодня говорим. Сближение народов в результате военных захватов, порабощения и ассимиляции имеет в своем основании иные механизмы, нежели те, что дважды проявили себя в мировой истории в последнее столетие и определили контуры глобализации как общемирового социального и культурного процесса. Первый раз колоссальные изменения в торговле и инвестициях возникли в конце XIX – начале XX века, когда на международные коммуникации стали активно воздействовать пароход, телефон, автомобиль, самолет, когда обновилась железнодорожная коммуникация, телеграф и электричество начали входить в повседневную жизнь сотен тысяч, а потом и миллионов людей, когда стали формироваться газетные концерны — фабрики информации, было изобретено радио и уже началось его использование и в военных, и в гуманитарных целях. Эти события приобрели характер мощного двигателя ин-

теграционных процессов в мире, ломки государственных границ везде, где капитал находил свою выгоду. Они подстегнули и передел мира, каковыми стали Первая, а затем и Вторая мировые войны, послевоенная система неокOLONиализма. Но и на индивидуальном уровне произошли грандиозные перемены: с развитием транспорта, например, люди стали значительно более мобильными, и это не могло не повлиять на проницаемость естественных культурных ареалов, на что еще в 1920-е годы обратил внимание Роберт Парк и его последователи, составившие Чикагскую социологическую школу (Неар 2003).

Второе глобальное изменение в мировой экономике приходится на наше время. В чем его особенности? Главная особенность состоит в том, что транснациональные корпорации приобрели невиданные возможности управления всем миром, опираясь на новейшие средства коммуникации. Начиная с 1970-х годов в мировом сообществе сформировалось понимание того, что определенные социальные процессы уже больше не зависят от политических позиций тех или иных стран и от сложившихся на национальном уровне традиций и представлений о перспективах развития. Мировая экономика под воздействием диктата транснациональных корпораций стала приобретать новые черты: производственные процессы, проектирование товаров, маркетинг стали все больше отходить от национальных экономик. В итоге развернулась глобализация в сфере производства и потребления. Преобразования охватили и социальную структуру: появился «транснациональный капиталистический класс», ориентированный на новые условия глобализации. В развивающихся странах эти перемены особенно заметны: компрадорская буржуазия активно сотрудничает с ТНК, у нее формируются не национальные, а транснациональные интересы и образ жизни.

На этом фоне начали происходить изменения в сфере культуры, где стратегии потребительства (консюмеризм), проникающие в каждый дом через средства массовой информации, существенно влияют на локаль-

ные культурные системы таким образом, что в них растет роль однородных элементов потребительской культуры. Все это процессы, почти не заметные в повседневности, но оказывающие значительное влияние на людей в любой стране. Достаточно взглянуть повнимательнее в наше собственное окружение или в то, что мы можем увидеть у себя в стране, в других странах, как станет ясно, что ориентация на сходные культурные образцы усилилась и многими воспринимается как совершенно естественная. Она началась как «вестернизация» культуры, а точнее как «американизация», и в настоящее время все больше представляет собой культурный сплав разных по происхождению элементов — знаков и образов, навязываемых населению различных стран средствами массовой информации и массовой культурой.

ТНК упорно осуществляют культурное объединение мира, исходя, конечно, из задач достижения наибольшей прибыли. В современной социологии для обозначения этого процесса появился термин «макдоналдизация» (McDonaldisation). Он обозначает распространение американских культурных и экономических продуктов по всему миру. Успехи компании «Макдоналдс» в этом термине обобщены до символа, а содержание процесса с таким названием связывается с глобализацией культуры и экономики, которая развивается за счет мирового маркетинга узнаваемых логотипов и предложения стандартизированных продуктов. Слово «макдоналдизация» вошло в современный лексикон, этот неологизм расширил свое значение и применяется для обозначения культурных процессов (макдоналдизация культуры, обычаев и т. д.). В лингвистической литературе подчеркивается, что метафорическое значение этого слова (перенимание разными странами американских образцов массовой культуры, жизни в американском стиле) стало семантически богаче, чем у слова «американизация», — за счет признаков массовости, единообразия, повсеместности и др. (Waszakowa 2002).

В такой «макдоналдизации» (не на словах, а на деле), конечно же, немало удобств. Мир в любой своей точке становится узнаваемым и комфортным. Различие национальных культур все менее заметно в столицах и больших городах. Собственно, следы глубокой старины, славной истории сохраняются, только нередко они — лишь фон, экзотическая приправа к хорошо известному и повторяющемуся образу космополитичной современности. Но процесс развивается и вглубь, захватывает и деревню.

Известный теоретик глобализации Ульрих Бек, характеризуя «макдоналдизацию», пишет: «Все больше и больше пробивает себе дорогу универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения. В нижнебаварской деревне точно так же смотрят телесериал о жизни в Далласе, носят джинсы и курят сигареты «Мальборо», как и в Калькутте, Сингапуре или в «бидонвилях» под Рио-де-Жанейро» (Бек 2001: 81). Речь, таким образом, идет о том, что в условиях глобальной индустрии происходит неизбежная конвергенция культурных символов и стилей жизни, иными словами — культурных кодов.

Смешение культурных кодов совершенно нормально для Америки, которая исторически формировалась как «котел наций». Но культурам, в которых сильна организующая роль традиций, этот процесс угрожает серьезными рисками, вызывает напряжения, достигающие иногда высокого накала. Здесь нередко глобализация порождает волну культурного (не только политического) антиглобализма, который в противоборстве с тотальностью навязываемой культуры пользуется нередко теми же самыми тотальными средствами.

История с публикацией в одной из датских частных газет карикатур на Пророка Магомета, вызвавшей в 2006 г. волну протеста в мусульманских странах, обнажила культурный конфликт, давно существующий в мире, но не достигавший еще такого масштаба по частному случаю. Суть культурного конфликта в том, какая из ценностей вы-

ше. На одной стороне его стоят люди, организации, страны, которые придерживаются ценностей либерализма, какими они утвердились прежде всего в Америке и стали особо значимыми для цивилизации европейско-американского типа. В данной ситуации это ценность свободы слова, которая рассматривается как незыблемая, не нуждающаяся в обсуждении и коррекции. Свобода слова здесь важнее, чем любая традиция, духовный ориентир, религиозный культ. На другой стороне стоят люди, организации, страны, которые считают, что есть духовные ценности (включая и ценности религиозные), которые никогда и никем не могут быть осквернены или осмеяны и которые, таким образом, выше ценностей свободы слова. Информационная спрессованность в мире под воздействием глобализации превращает частное событие — публикацию в какой-то газете, о которой почти никто ничего раньше не слышал, в противостояние, охватившее десятки стран. В арабских странах горели датские посольства, проходили многотысячные демонстрации протеста, от газеты и правительства Дании требовали извинений, но те, в свою очередь, восклицали: а как же свобода слова? мы не можем идти на уступки, которые подорвут ее.

Для нас важно, что давний ценностный конфликт в современных условиях проявляется в новой конфигурации. В самом деле, еще несколько десятилетий назад о публикации газеты в Дании знали бы, может быть, тысячи человек. Содержание конфликта ценностей было бы тем же самым, но людей, втянутых в данное событие, — несравненно меньше.

Итак, глобализация в экономике имеет далеко идущие последствия для культур, идентичностей и стилей жизни (Robins 1991: 28), а значит, она выступает в наши дни как новое условие воспитания. Это сказывается, во-первых, в том, что давняя мечта великих мыслителей о единстве мира, всеобщей мировой гармонии приближается к своей реализации, но в форме, которой они не ожидали: единый мир — это не многообразие куль-

тур и их взаимодействие, а тотальная «макдоналдизация», или, как говорят критики глобализации, — единый товарный мир. «В этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира, взятыми из рекламного имиджевого дизайна мультинациональных концернов. *Бытие становится дизайном* — причем повсеместно» (Бек 2001: 82). Критики добавляют: «Люди — суть то, что они покупают (или могут купить)... Вместе с покупательной способностью кончается социальное бытие человека, которому угрожает выпадение из общества» (там же). Даже если считать такие оценки преувеличением, нельзя не видеть, что через потребительские ориентации сегодня пролегает дорога к такому культурному полю, которое в малой степени связано с классическим пониманием культуры в ее возвышенных характеристиках.

Во-вторых, существенно, что глобальная культура, если ее можно так назвать, не является продуктом общественного договора или какой-то формы союза народов. Она привносится из иных сфер (из экономики, политики) и реализует гегемонию транснациональных компаний, прежде всего американских по своему происхождению. В силу этого глобализация в сфере культуры означает повсеместное утверждение американских культурных кодов. Ульрих Бек приводит показательное высказывание, прозвучавшее в одной из передач CNN: «Происходит культурная и социальная революция, являющаяся следствием экономической глобализации. Служащий в Америке затронут этим в той же мере, что и человек на улице Москвы или менеджер в Токио. Это означает: то, что мы делаем в Америке или для Америки, имеет силу повсюду в мире. Наши новости — это глобальные новости» (Бек 2001: 83).

В-третьих, такой гегемонизм США под видом глобализации встречает сопротивление. Уже повсеместно отпор такой глобализации дают страны Европы, и их объединение в Евросоюзе — прямое свидетельство

этого. Мощные протесты антиглобалистов, укрепление мусульманского фундаментализма, волна терроризма в 1990–2000-е годы — это и многое другое показывает неоднозначность и сложность идущих в мире социокультурных процессов. Они имеют разные источники и развиваются на разных уровнях. Но для нас важно, что глобализации, опирающейся на новейшие информационные технологии, противостоит культурная локализация, которая имеет возможность опереться на те же технологии, те же открытия, те же типы коммуникации. Для дела воспитания это — огромный ресурс и мощный импульс развития.

Вот почему, между прочим, можно говорить о глобализации как *условии* воспитания сегодня. Глобализацию рассматривают преимущественно как *фактор*, определяющий изменения в воспитательном воздействии. Другими словами, это некая внешняя для воспитания сила, принудительно трансформирующая его. Однако при этом сам фактор не меняется. Это как солнце, которое может оживить природу весной или, напротив, сжечь всю растительность в пустыне, породить нестерпимую жажду у человека, но при всем том оставаться таким, какое оно есть. Когда мы используем понятие «условие», то, вслед за Гегелем, понимаем под ним что-то такое, что в ходе взаимодействия будет утрачиваться, перетекать в объект воздействия, а его свойства будут меняться. И нам важно понять: глобализация несет миру бесчисленные беды, но и бесчисленные победы. Чем, какой стороной глобализации воспользуемся мы в воспитательной деятельности? Зависит от нас.

НОВЫЕ СМЫСЛЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о новых смыслах воспитательной деятельности в условиях глобальных вызовов и рисков естественно себе поставить, когда мы задумываемся и о смысле жизни, и о назначении образования в современную эпоху, и о границах воспитательного воздействия на человека. В либеральной трактовке

«воспитывать означает в свободном обществе прежде всего обеспечивать возможность и стимулировать новые инициативы» (Демократия... 2003: 214). Но что за инициативы будут выдвигаться новыми поколениями? Какое применение найдут новые технологии в жизни человека? В общественном сознании все более отчетливо осознается, что высокая скорость передачи информации вступает в конфликт с человеческими возможностями по ее осмыслению, требующими определенного ресурса времени (Hassan 2003: 89). И в нашем случае долго задерживаться в созерцании новых условий не удастся: все меняется слишком стремительно. В Японии, например, скоро будет создано трехмерное телевидение. Собственно, об успешном завершении опытов сообщено в феврале 2006 г., дело за малым: внедрением в серийное производство. Года через два-три, может быть, телепрофессор будет ходить по университетской аудитории где-нибудь в Италии, а его прототип руководить занятиями из Москвы (или наоборот — в смысле географии). Но точно так же становится возможным работать с детьми в период первичной социализации (в 2–5-летнем возрасте) и формировать их изначальную картину мира. Для традиционной педагогики это просто катастрофа. Воспитателям по профессии и жизненным устремлениям этот и другие вызовы времени важно осмыслить не каждый по отдельности, а в их совокупности, в их связи. Ведь и ответ на эти вызовы возможен скорее общий, чем отдельный для каждого случая.

Где человек пока еще менее подвержен глобализации как культурной трансформации? Вдумываясь в этот вопрос, мы увидим, что *простые общности людей* сохраняют свое значение даже на фоне деформаций, которые несет человеческой природе цивилизация. Еще в начале XX века американский социолог Чарльз Хортон Кули (Cooley 1964), рассматривая соотношение человеческой природы и социального порядка, пришел к выводу, что в сотрудничестве людей особую роль выполняют так называемые первичные группы, к которым он отнес семью,

игровую группу детей, соседей и общинную группу старших. Кули писал об этих группах, что они практически универсальны, присущи всем временам и всем стадиям развития, а значит, они составляют основу всего универсального в человеческой природе и в человеческих идеалах. Первичная группа — это кооперация и ассоциация индивидов, непосредственно взаимодействующих друг с другом лицом к лицу. Здесь-то, по Кули, и возникает «Мы» — тот единый социальный организм, где и происходит социализация индивидуального сознания: оно общается к «большому сознанию». Кули утверждал, что социальная структура зависит от социализации функций малых интимных групп даже в обществах с широким разделением труда. Выделенные четыре группы Кули называл «детской человеческой природы». По его мнению, более крупные структуры общества представляют собой построения на основе первичных групп. Здесь возникает возможность перехода норм, свойственных первичной группе, на другие уровни социальности, но процесс этот идет с известными потерями. Идеалы первичной группы становятся формальными. В крупных социальных организациях имеет место соперничество систем ценностей в опыте индивидов и преобладает безличное, специализированное и частичное взаимодействие. На уровне индивида социальный порядок, идущий от первичной группы, поддерживается и отражается симпатией. Собственно, каждая группа, в которую входит индивид, «живет в его симпатии», а его сознание в результате этого «представляет собой микрокосм, соответствующий той части общества, к которой индивид действительно принадлежит» (Cooley 1964: 144).

Не будем сейчас обсуждать убедительность всех теоретических конструкций Кули, но используем направление его мыслей для понимания сегодняшней ситуации в сфере воспитания. Итак, даже при грандиозном давлении на человеческое сознание всего информационного арсенала глобального общества остаются некоторые зоны относи-

тельной независимости, некоторой автономности, где межличностный контакт со «значимыми Другими» важнее иных управляющих импульсов. Сегодня влияние на человека некоторых из названных Кули первичных групп (например, соседства в условиях больших городов) ослаблено, но все же важен принцип, а он состоит в том, что *есть социальные общности, которые в силу своей природы противостоят глобализации, хотя бы этот факт ими и не осознавался*.

В малых группах, где главным образом и происходит повседневная жизнь людей, человек испытывает на себе меры социального контроля, подчиняется норме или уходит в девиацию примерно по тем же схемам, что были известны и раньше. Но снятие барьеров времени и пространства в коммуникации XXI века позволяют малым группам приобретать больше власти над индивидом. Контроль над личностью усиливается, он лучше технически обеспечен и фактически является *мониторингом* действий, а иногда и намерений человека. Тем не менее новому поколению он не кажется обременительным, поскольку оно, что называется, родилось с мобильником в руках. Электронные средства коммуникации и контроля входят в изначальную среду его (нового поколения) существования.

Для теории воспитания эти наблюдения важны, поскольку позволяют понять, что влияние традиционных для общества иерархических социальных структур падает и значительная часть человеческой активности переходит в то, что в современной социологии теперь называют *сетевое общество*.

Идея трактовки определенных социальных связей как сетей возникает с развитием информационных сетей типа Интернета. Обобщение сетевых отношений до масштабов « сетевого общества » (network society) принадлежит известному социологу Мануэлю Кастельсу (Castells 1996). Сеть — это множество взаимосвязанных узлов, а узлы — это точки, в которых петли взаимно пересекаются. Сети — старая форма социальной организации, но теперь они усилены инфор-

мационными технологиями и существенно изменились: они стали информационными сетями. В отличие от иерархических структур, сети подвижны, они легко адаптируются к внешней среде, способны развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети. Но поскольку они не координируются из единого центра, им труднее сосредоточивать ресурсы на определенной цели. Недостаток координации компенсируется интерактивностью и поддержанием образцов внутри сети (Castells 2000). По Кастельсу, принадлежность или отсутствие принадлежности к сети, конкуренция сетей становятся источниками власти и перемен в обществе. Социальная морфология (иными словами, структурная сторона общества) при сетевой организации доминирует над социальным действием.

Понятие, введенное Кастельсом всего 10 лет назад, сразу прижилось, и это не удивительно: Интернет сделал коммуникативную сеть настолько зримой, что идея сетевого общества буквально витала в воздухе. Однако далеко не все пошли вслед за Кастельсом в трактовке сетей как силка для человека. В некоторых случаях теории лишь констатировали переход к новой организации социальных связей, более эффективной в ряде прикладных областей. Например, по сетевому принципу стал строиться маркетинг в сфере непосредственной реализации. Выявились положительные стороны сетевого подхода в сфере защиты прав человека, гражданского контроля и участия, дистантного образования и т. д. Некоторые видные ученые стали связывать свои личные научные достижения с принадлежностью к сети — определенному научному сообществу (Интервью... 2004: 15).

В итоге сетевой принцип стал осмысливаться как *универсальный*. Его характеризуют следующим образом: «Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникаци-

онные коды. Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя потерять свою сбалансированность. Сети становятся институтами, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, управления, информатизации и др. Одновременно морфология сетей выступает в качестве источника далеко идущей перестройки отношений власти, демократического контроля и участия и формирования электронного управления (e-government). Таким образом, можно говорить о том, что новые экономические формы строятся вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации, а осуществляемый через такие структуры доступ к технологическим умениям и знаниям составляет в настоящее время основу производительности и конкурентоспособности» (Мальковская 2003: 914–915).

Эта характеристика сетевой теории в основном ориентирована на специфику экономических отношений, но в том-то и дело, что обнаружение в сетях универсальности позволяет применить тот же подход к трактовке нового состояния и новых возможностей общества как целого. Посмотрим на общество в его повседневности, иначе говоря, в таком его состоянии, когда общество меньше всего можно рассмотреть, а перед нами череда ежедневных событий, часто рутинных и не замечаемых. Вообще-то, мы видим в этот момент не общество, не устойчивые связи людей, определяемые их местом в системе производства и распределения, а какие-то группы и скопления. Вот очередь за чем-то, вот у светофора стоят несколько человек, люди не вступают в разговор, они не знакомы между собой. Вот семья: двое взрослых и ребенок. Вот группа молодых людей, сразу видно — студенты. Эти бурно что-то обсуждают. Вот у дома остановились старушки, кого-то ругают. Подобные картины мы наблюдаем каждый день, но достаточно набросить на случайные впечатления сетевую теорию, как мы увидим перемещающиеся фрагменты чело-

веческих общностей разного масштаба и степени сплоченности. Броуново движение людей, каковым кажутся перемещения человеческих тел с верхних этажей высотного здания, приобретет смысл, как только мы выявим и разделим связывающие их сети.

Главный наш вывод: сетевое построение социальных связей одновременно означает, что иерархия, какую олицетворяет государственная власть, занимает в обществе не так уж много места, горизонтальные связи людей в сетях, к которым они принадлежат, оказываются гораздо более продуктивными и интенсивными. Это несколько иной взгляд на сеть, нежели у Кастельса. Он подчеркивает жесткость сетей, их нацеленность на обеспечение «власти структуры». Такое свойство у сетей, конечно, есть, и оно хорошо видно в «командах», ведущих к успехам свои предприятия. Но для нас важнее сейчас такие свойства сетей, как относительная автономность, интерактивность, неформальность, децентрализованность.

Сети могут существовать *автономно*, т. е. не нуждаться во взаимодействии с другими сетями путем сужения своего пространства или ущемления интересов своих участников. В известной мере и в известных пределах сеть самодостаточна.

Интерактивность в сети означает возможность всем участникам получать, отбирать, интерпретировать, реструктурировать и сообщать другим участникам ту или иную информацию. Сети позволяют использовать интерактивность в качестве инструмента социального контроля, что слабо достижимо в иерархических системах.

Сети, разумеется, могут быть формальными, но нас интересует сейчас их принципиальная способность быть *неформальными*. Что это в данном случае означает? Отсутствие предварительных правил, которые не вырабатываются и не могут быть изменены участниками сети. Иными словами, правила взаимодействия в сети конвенциональны и подвижны. Это делает сетевой принцип организации очень близким к задачам гражданского общества.

Наконец, *децентрализованность*. Это свойство сетей позволяет им быть устойчивыми перед ситуацией обезглавливания системы, которая для иерархических систем убийственна. Поскольку сети могут не иметь единого управляющего центра (такова и сеть Интернета), они удерживают сильные нагрузки и справляются с рисками в условиях неопределенности. Подобно ящерице, они могут в случае опасности отбросить хвост и спастись таким образом. Но, кроме того, обеспечивая свою жизнеспособность, они могут отбросить и, так сказать, голову и любую из своих лап, чего ящерица сделать не сможет.

Все, что сказано о сетях, позволяет увидеть в них мощный инструмент сдерживания глобализации в тех сферах, где этот неизбежный в целом процесс способен нанести вред человечеству. Прежде всего надо говорить о сфере культуры. Сетевые сообщества и сегодня сдерживают экспансию «глобализма по-американски» в культурной среде, в духовной жизни своих народов. Они смогут это противостояние выдерживать и дальше. Можно сказать, что сети и есть главное препятствие для глобализации, даже с учетом того, что идеологи и хозяева глобального изменения мира тоже входят с сетевые сообщества.

Как все это влияет на понимание новых смыслов воспитательной деятельности в современных условиях? Воспитатель не может уходить от вопросов нашего времени в нишу высоких слов о нравственности, долге перед новыми поколениями, категорическом императиве и т. д. Воспитательная деятельность сегодня востребована в обществе, даже если кажется, что это не так. Но ее смысл меняется, когда ориентиром для личности все чаще становится не властная иерархия, а сетевое взаимодействие. А это значит, что универсальные воспитательные инструменты должны быть соединены с задачей достижения успеха при разных воспитательных задачах, диктуемых сосуществующими социальными общностями, объединенными в сети. В таком случае воспитание все больше

нуждается в уточнении теоретических позиций и методов осуществления, когда на дворе XXI век и глобализация.

Лит.: Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию: Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Демократия в России и Европе: Филос. измерение: Материалы Междунар. конф. / Под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2003; Интервью с профессором Рэндаллом Коллинзом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. №1. С. 10-24; Луков Вал. А. Парадигмы воспитания // Знание. Понимание. Умение. 2005. №3. С. 139-150; Мальковская И. А. Сетевое общество // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 914-916; Уткин А. И. Глобализация // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 181-183; Burke P. The French Historical

Revolution: The «Annales» School, 1929-1989. Stanford (Calif.), 1990; Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // Brit. J. of Soc. 2000. N 51. P. 5-24; Castells M. The Rise of the Network Society. Malden (Ma.) Oxford, 1996; Cooley Ch. Human nature and the social order. N. Y., 1964; Hassan R. The chronoscopic society: Globalization, time and knowledge in the network economy. N. Y.: Lang, 2003; Heap Ch. The city as a sexual laboratory: The queer heritage of Chicago School // Qualit. sociology. N. Y., 2003. Vol. 26, №4. P. 457-482; Robins K. Tradition and Translation: National Culture and its Global Context // Corner J., Harwey S. (Ed.) Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture. London, 1991; Waszakowa K. Perspektywy kognitywnego opisu slowotworstwa: kognitywna interpretacja znaczenia derywatu // Prace na XIII Medzynarodowy kongres slawistow w Lubljanie 2003 / H. Popowska-Taborska i in. (red.). Wawszawa, 2002. S. 253-262.

(Окончание следует)